

ГАЛИНА ШПРИНГЕР

пос. Приобье,
Октябрьский район

Галина Шпрингер - поэт, прозаик, публицист.

Родилась в Казахстане, в 1959 году. В 1977 окончила медицинское училище, в 2005 году окончила Новосибирский Педагогический Университет, специальность педагог-психолог, психолог-консультант, специализация – клинический психолог. С 2011 года проживаю в ХМАО-Югре. С 2016 года член «Содружества писателей Нижневартовска», член Ассоциации «Поэты Тюменской области», являюсь почетным членом творческого объединения самодельных авторов Октябрьского района, «Серебряная Обь».

Писать стихи и прозу начала с Зкласса. Первый рассказ был: «Ангелы моего сына». В декабре 2012 года издана первая книга стихотворений «Горит рябиной на снегу моя любовь...». В 2013 году выходит специальная брошюра «Руководство для родителей ...», а также раскраска для детей, больных муковисцидозом «Веселая кинезитерапия». Печатаюсь в местных СМИ, в выпусках литературно-поэтического альманаха «Поэзия земли Тюменской» (№13, №15, №17, №20, №22, №23, №24, № 27, №28, №30) Ассоциации «Поэты Тюменской области», пишу статьи. Мои стихи и проза вошли в книги «Приобье – точка роста», в сборники «Быть добру», в книгу «По струнам памяти моей...», в юбилейное 5 издание «Серебряная Обь», в сборник «Моя судьба – Югорский край». Пишу много стихотворений и прозы: о любви, размышление о жизни, о природе. Два стихотворения: «Осень с грустью», «Не заставляйте сердце плакать», положены на музыку барда из Приобья, А. Флегентова.

Много планов, задумок, проектов. Хотелось бы успеть их реализовать. На суд читателей выношу рассказ о Великой Отечественной Войне, о военном детстве моего отца, «Полюшка». Война прошла по жизням миллионов людей, и помнить об этом нужно, и беречь мир на земле!

Главные мои достижения – это моя семья: дети, две внучки, мама, муж. И от этого тепло и уютно в этой жизни.

Ваша Галина Шпрингер

*Памяти моей бабушки,
Остапенко Полине, посвящается*

ПОЛЮШКА

Мой отец был ребенком во время Великой Отечественной Войны. И когда бы я ни спрашивала его о тех годах, он чаще отмалчивался. Знали мы, его дети, только, что эти годы для отца были полные лишений, голодные, без родителей; его отец воевал, а мама погибла в первый год войны, в 1941 году, помогая партизанам. Но сколько мы с братом не пытались узнать, расспросить отца, все попытки были тщетными.

Но в один из дней Победы, 9 мая, когда я с детьми пришла поздравить родителей с праздником, отец, сидя за праздничным столом, выпил рюмочку водки за своих родителей, и вдруг уронил голову на руки, и заплакал. Война разом обрушилась на его седую голову. Рыдания сотрясали его немощное тело.

А потом, он поднял голову, его глаза затуманились, смотрели вдаль, и он заговорил. Его лицо осветила улыбка, и он произнес по-украински «Маты, матуся». Маты - яка она красыва була, наша маты. А потом порусски: «...ее черные смоляные волосы были до пояса, и их всегда прикрывал платок. На шее рубинами горели яркие бусы и в будние дни, и в праздники. Это то, что она оставила для себя из прежней жизни. А как она пела песни. Голос ее звенел, как звоночек».

«Нэсэ Галя воду, коромысло гнэтся, а за нэй Иванку, як борвынок вьэтся...», - вдруг по-украински запел отец, прикрыв глаза, и был он в этот момент далеко, далеко от нас.

Песня оборвалась и снова отец продолжил рассказ, и в его словах звучала неприкрытая нежность, доброта: «Так как маты нас любила, больше никто и никогда не любил нас: меня, брата Колю, Галю сестренку и братишку Шурку. Она много работала, то корову доила, то нас малышей кормила, то сено в стог метала. И дом был на ней, хлеба пекла знатные и вкуности всякие. Духмяный

запах маминого хлеба до сих пор помню. А какая веселая была, всегда улыбающаяся, глаза раскосые, как у тебя доця».

И глубокая печаль поселилась в его глазах, он снова смотрел на нас и не видел. А я с замиранием сердца, слушала его рассказ.

«Батько мою маму увез из табара, она была молдованская цыганка, стройная и гибкая, как стебелек, а когда пела, песни разлетались по деревни журчащим ручейком, и, слушая ее, односельчане улыбались.

Наступал вечер, она звала нас: «Диточки пийдиты до мэнэ». И начинала обнимать нас, целовать в волосы и лобик, скажет ласковые слова, прижмет к себе. А от нее пахло молоком, цветами и весной».

Отец снова замолчал, вздохнул тяжело и продолжил.

«Мне в 41 году было семь лет, Николаю - двенадцать, Шурке - пять годочков, а Гале едва исполнилось два годика. Отец боготворил маму, кроме как кохана, мы и не слышали другого обращения к ней отца, и семья была дружная, и дом полной чашей. Домик наш стоял на краю деревни. Я с детства помню маленькую хату, мне она казалось очень красивой, яркой. Крыша была крытая камышом и соломенными снопами, стены были побелены и расписаны яркими рисунками, цветами: желтыми, красными, синими. В середине хаты стояла побеленная печь с лежанкой, возле стен - деревянные лавки, в центре - стол. Мама сама расписывала стены символическими рисунками и цветами, орнаментами, которые, как говорила она, помогают отогнать злую силу. А во дворе всегда летом цвели алые маки, и было зелено, зелено вокруг. Но началась война, и отец ушел на фронт, а мама осталась одна с четырьмя детьми. Немцы вошли в деревню с шумом и треском мотоциклов, с гортанной немецкой речью, учиняли разбой и расстреливали селян. А маме нужно было выжить и сохранить детей».

Отец посмотрел на меня и сказал: «Это я сейчас понимаю, а тогда, тогда мы были маленькими детьми». Голос у отца задрожал и стал тише, но рассказ он

продолжил: «Кто из мужчин не ушел воевать, молодые хлопцы, да пожилые, бежали в лес, и организовывали партизанские отряды. Но были и такие, как дядько Петро, молодой здоровяк, он стал полицаем.

Однажды ночью раздался стук в окно, и я проснулся, услышал, как мама с кем-то разговаривала и сказала, чтобы приходили через два дня, и добавила, что хлеба напечет. Так наша мама начала помогать партизанам, она пекла для них хлеб. Один раз в неделю раздавался стук ночью и дядько Афанас забирал хлеб, это был наш Голова - председатель колхоза».

Отец замолчал, взял сигарету и закурил, руки дрожали, он затаился, пытаюсь успокоиться.

«Все чаще днем стал заходить дядько Петро. Он хватал маму за руки, кричал: «Помогаешь партизанам, сдам тебя немцам!». Он всегда был пьяным, лицо становилось от злости бардовым. Мы боялись его, забивались в угол, было страшно. У него было ружье и белая повязка с крестом на рукаве.

Тень тревоги все чаще появлялась на лице мамы, и она просила нас не убегать далеко от дома, приговаривая шепотом, что немцы в деревне и что не дай Бог, шальная пуля.

А немцы свирепствовали, то последнюю корову увели из дому, то детей из нашего села старше 14 лет согнали и отправили в Германию, то соседей вывели из дома, дом подожгли, и дедушку расстреляли у нас на глазах. Баба Марыся кричала и плакала, а мама нам закрывала глаза, чтобы мы не видели, как убивали немцы.

Мама привела бабушку к нам в дом, та слегла от горя и слез. Она выхаживала её и говорила, что это теперь её дом и она будет с нами жить.

Шли дни, и лето сменила осень, баба Марыся поднялась и начала понемногу помогать маме по дому.

И вот наступил тот страшный день. Был полдень, жара, солнце в зените, сентябрь, мы прятались от солнца в хате. Мама наливала из крынки молоко, делила на всех поровну. Немцы еще не добрались до нашей козы. В это

время ввалился пьяный Петро, схватил маму за руку и заорал: «Так пойдешь со мной? Твоего Павло убили». Мама отшатнулась. «А... партизанская сучка!». Петро потащил маму из хаты. Бабуля на пороге хаты, упала перед дядькой на колени: «Петро, Петро! Я же тебя маленьким выходила, лечила. Оставь Полю, у нее дитятки один мал мала меньше, пожалей деток». Петро рассмеялся, от него резко пахнуло самогоном, чесноком. Он стоял качаясь, крепко держал маму за руку и прохрипел: «Пошли, по-хорошему».

Но мама в этот момент вырвала руку и выдохнула ему в лицо: «Павло – жив! Ты врешь - фашист!». Разъяренный полицией ударил маму по лицу, у нее из разбитого носа потекла тоненькой струйкой кровь и каплями капала на белую сорочку-вышиванку.

В этот момент во двор заехал мотоцикл с двумя пьяными немцами и офицером. Мы, дети, забились под лавку, бабуля закрыла нас. А дядько Петро уже орал: «Партизанка, партизанка!». И обращаясь к немцам: «Я отведу ее в комендатуру». Но немецкий офицер был пьян и что-то резко сказал по-немецки: «Цушиесен!» (*расстрелять*), и показал рукой на стог, стоящий вдалеке.

С мотоцикла соскочили немцы в касках. Они смеялись и кричали: «Шнелль, шнелль!». Тут завопил Петро, поняв, что будет дальше: «Да зачем же сразу расстрелять? Давайте дознаемся сначала».

Но было поздно. Немецкие солдаты поволокли маму за дом к стогу сена, который стоял вдалеке. Я все это видел из окна хаты.

Я не понимал немецких слов, но понял, что сейчас произойдет что-то страшное. До сих пор в памяти стоят ярко-красные капли крови на сорочке-вышиванке у мамы и блестящие лаковые сапоги у офицера – немца».

Отец снова глубоко затянулся сигаретой и замолчал. Я заглянула ему в глаза, они были темными, как омут, и в них затаилась слеза. Прошли секунды, но мне показалось вечность. Голос стал еще тише. Отец был не с нами, он

вернулся в осень сорок первого года.

«Дом стоял на окраине. Светило яркое солнце, испепеляла жара, в садах созрели яблоки, груши, абрикосы, стоял томный аромат спелых фруктов и звенящая тишина. От жары все живое притаилось. За домом, чуть поодаль, стояло два стога сена. Мы, дети, выскочили из дома, спрятались за ближний стог, а глазами следили за немцами.

Офицер что-то громко крикнул, щелкнули затворы. И в этот момент мама крикнула: «Фашисты», - последовал удар в лицо прикладом автомата. Яркий цветастый платок сбился, и по плечам рассыпались волнами, роскошные смоляные волосы, карие раскосые глаза, как два уголька светились на бархатной коже лица. Мама была так молода и красива, и немецкий офицер невольно залюбовался ею. И даже пьяные солдаты замерли на мгновение. Офицер подошел и рванул сорочку и обнажилась девичья грудь. И загорелись, плотоядным огнем страсти, глаза фашистов.

Полицай Петро вскрикнул: «Нет!».

Офицер резко повернулся и выстрелил в него. Петро упал, широко раскинув руки, в траву.

Нас детей парализовал страх, и мы не заметили, как маленькая Галя, замотанная в тонкий платок, перевязанный под мышками, отошла от стога и уже пошла по полю, собирая цветочки, в руке у нее были васильки. Она медленно шла босая по траве, широко расставляя свои маленькие ножки, и напоминала маленькую бабульку.

Коля закричал: «Галю, Галю...». Но она не слышала, продолжая потихонечку идти по полю, держала своими ручонками тоненькие стебельки ярко-голубых васильков.

А в это время офицер сбил с ног маму. А второй молодой фашист увидел маленькую Галю, которая шла прямо к стогу, где лежала мама. Немцы отпивали что-то из бутылки. Молодой фашист, покачиваясь, не ровной походкой пошел в сторону малышки. И мама из последних сил крикнула: «Галю, бужи, донечко, бужи...»

Мы были пригвождены всем происходящим. Но крик мамы вывел нас из оцепенения. Коля выскочил и побежал за Галей, за ним побежал Шурка, брат обернулся, схватил Шурку за руку, и потащил за собой. Немец догонял Галю. Но детские ноги быстрые. Коля подхватил на руки сестренку, в другой руке рука Шурки и они бежали так быстро, как только могли, их гнал страх...

Немец остановился, плюнул в траву, пару раз выстрелил, но не попал в детей. А Коля с братом и сестренкой на руках убежал в сторону леса все дальше и дальше».

Отец замолчал, потянулся за сигаретой, но рука опустилась, так и не взяв ее. На его лице отразилась боль.

«У меня ноги приросли, и я не мог сдвинуться с места. Маму били. Я увидел, как офицер расстегнул ремень. Она уже не стонала от каждого удара сапогом... Фашистов было трое. Полина все поняла. И в секунды начала молиться: «Только бы детей не тронули и быстро умереть... Господи, помоги».

Ремень упал в траву, фашист навалился на нее, и она, собрав все свои силы, плюнула ему в лицо. Он ударил ее пистолетом по голове, и сознание покинуло ее. Офицер поднялся, брезгливо выругался: «Руссишь швайн» (*русская свинья*), и махнул рукой солдатам, пропуская к телу неподвижно лежащей мамы.

Мама лежала в стогу, не двигаясь, неудобно запрокинув голову и подогнув ноги, ее шерстяная юбка задралась выше колена... Она была без сознания.

Но в последние секунды ее сознания перед ней пронеслась вся ее счастливая жизнь: табор, вечерний костер, звон монасты, танцующей цыганки, и как она поет под звуки рыдающей скрипки. Всплыло лицо ее бабушки, которая качала головой и просила ее: «Полюшка, не будет с ним счастья, одна беда будет...». И тут она увидела на руках первенца Коленьку и мужа Павла. Он целовал ей руки и волосы и шептал: «Спасибо, коханая».

Свет потух, сознание покинуло ее...

Немцы надругались над мамой. Пили самогон, дико

хохотали... Это было, как в страшном сне...

А я, я даже не плакал, только опускал голову в стог с сеном, поднимал и шептал: «Матуся, матуся, матуся...»

Потом я увидел, как офицер зажег зажигалку и бросил в стог, где лежала мама. Стог вспыхнул, как факел.

Больше я не помню ничего. Меня нашла утром в траве, возле стога с сеном, бабуля Марыся, я был в беспомощности. Две недели она отпаивала меня настоями трав, а я все бредил и бредил, звал маму: «Матуся, матуся, маты...».

Мой брат Коля, Шура, и сестренка Галя, исчезли, и никто не знал, где они.

Бабуля выходила меня. И однажды, я услышал страшный рассказ бабушки, о том, что сделали фашисты с мамой и, как сожгли ее в стоге сена. Мне часто снилась мама, и уже, когда я стал взрослым, мама пришла ко мне во сне и рассказала, что чувствовала и как прожила последние минуты своей жизни».

Отец опять замолчал, руки его дрожали, глаза были полные слез.

Мне показалось, что за минуты рассказа отец в мгновение постарел лет на тридцать... Он снова заговорил: «И сейчас, я закрываю глаза и вижу, как моя матуся, целует меня в лоб, в глаза, и я чувствую ее запах молока, запах весны и цветов...»

Отец прикрыл глаза, и по щеке скатилась одна за другой слезы. И прошептал: «Моя любимая мамочка, моя матуся, маты... Я ничего не сделал, чтобы тебя спасти».

Вот такой рассказ я услышала от отца о своей бабушке, о страшном военном детстве отца и о первых месяцах войны...

И плачет скрипка в руках цыгана о нашей Полюшке, и звучит песня цыган о доле, о войне, о любви, о трудной судьбе цыганки...

10.03.2020 год